

ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ ПОСЛЕ МАРЖИНАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Михаил Васильевич Черников¹, Лариса Сергеевна Перевозчикова²,
Владимир Александрович Букреев³

^{1, 2, 3} Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

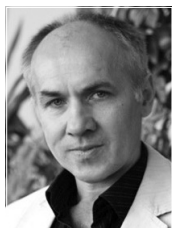
¹ mv.chernikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5525-8493>

² pls@cchgeu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5272-4391>

³ ceo@mirra-care.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме изучения динамики трансформации мировоззренческо-методологической парадигмы понимания человека и общества, связанной с маргиналистской революцией последней трети XIX в. — переворотом, определившим методологический переход к поиску субъективных оснований экономического поведения

и перенос фокуса внимания с проблемы издержек на конечный результат экономической деятельности. Новизна данного исследования состоит в установлении теоретического значения такого перехода для современной философской антропологии. Соответственно, целью исследования является определение специфики тех изменений, которые внесла маргиналистская революция в экономическую науку в учение о человеке, связанное с особенностями его социального поведения и новым видением оснований социальной психологии. Для этого потребовалось решить такие задачи, как, во-первых, реконструкция эволюции и выделение основополагающих принципов классической («марксистской») экономоцентристской модели человека; во-вторых, установление основных направлений пересмотра этих принципов в рамках новой парадигмы; в-третьих, экспликация и концептуальный анализ мировоззренческо-методологических инноваций, которые повлекла за собой маргиналистская революция; в-четвёртых, концептуальное обоснование перспективности мировоззренческо-методологической парадигмы, ядром которой стала модернизированная модель «человека экономического». В исследовании использовался метод категориального анализа с элементами дискурс-анализа. Критическое рассмотрение классической «марксистской» мировоззренческо-методологической парадигмы в понимании человека и общества позволило выделить основные черты,

подвергшиеся пересмотру в новой модели. В результате исследования установлено, что маржиналистская революция привела к концептуальному отказу от методологического холизма, субстанциального подхода и концепции эквивалентного обмена, обосновав эвристическую ценность принципов индивидуализма, антисубстанциализма и неэквивалентного обмена. Фактически таким путём окончательно оформилось понимание человека и общества, учитывающее концепцию «складывания индивидуальных волений» на новой, научной, основе. Логически безупречное обоснование данной концепции принадлежит К. Менгеру, который сумел разрешить парадокс методологического индивидуализма, прежде всего показав, почему данная концепция необязательно ведёт к пониманию экономического обмена как обмана. Как следствие, пересмотрено ограниченное понимание современного отечественного марксизма как сугубо «экономической теории», показаны издержки «классического» марксистского понимания человека и обоснована необходимость включения в философско-антропологическую теорию идей нового, трансформированного по итогам маржиналистской революции, понимания «человека экономического».

Ключевые слова: мировоззренческо-методологическая парадигма, маржиналистская революция, методологический холизм, методологический индивидуализм, концепция эквивалентного обмена, концепция неэквивалентного обмена, модель человека

Для цитирования: Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Букреев В.А. Понимание человека в современной научной философии после маржиналистской революции // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 37–49. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-37-49>

Philosophical essay

UNDERSTANDING MAN IN MODERN ACADEMIC PHILOSOPHY AFTER THE MARGINALIST REVOLUTION

Michael V. Chernikov¹, Larisa S. Perevozchikova², Vladimir A. Bukreev³

^{1, 2, 3} Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

¹ mv.chernikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5525-8493>

² pls@cchgeu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5272-4391>

³ ceo@mirra-care.ru

Abstract. The article is devoted to the topical subject of the dynamics of the transformation of worldview and methodological paradigm of *man* and *society* understanding, stemming from the marginalist revolution of the late 19th century. This revolution determined a methodological turn to searching for subjective fundamentals of economic behavior and the focus shift from cost to economic performance. The novelty of this study lies in establishing the theoretical significance of such a transition for modern philosophical anthropology. Accordingly, the purpose of the study is to determine the specifics of the changes that the marginalist revolution in economic science brought to the doctrine of man, associated with the characteristics of their social behavior and a new vision of the foundations of social psychology. To do this, it was necessary to solve such problems as, 1) the reconstruction of evolution and the identification of the fundamental principles of the classical (the so-called *Marxist*) economic-centric model of *man*; 2) establishing the main directions for revising these principles within the framework of the new paradigm; 3) explication and conceptual analysis

of ideological and methodological innovations that the marginalist revolution entailed; 4) a conceptual justification for the prospects of the ideological and methodological paradigm, the core of which is the modernized model of *economic man*. The study used the method of categorical analysis with elements of discourse analysis. A critical examination of the classical *Marxist* ideological and methodological paradigm in understanding man and society made it possible to identify the main features that have been revised in the new model. As a result of the study, it was established that the marginalist revolution led to a conceptual rejection of methodological holism, the substantial approach, and the concept of equivalent exchange, substantiating the heuristic value of the principles of individualism, anti-substantialism and unequal exchange. In fact, in this way an understanding of man and society was finally formed, considering the concept of *the formation of individual wills* on a new scientific basis. The logically impeccable justification for this concept belongs to K. Menger, who was able to resolve the paradox of methodological individualism by showing why this concept does not necessarily lead to an understanding of economic exchange as deception. As a result, the limited understanding of modern domestic Marxism as a purely *economic theory* is revised, the costs of the classical Marxist understanding of man are shown, and the need to include ideas of a new understanding of *economic man*, transformed as a result of the marginalist revolution, into the philosophical and anthropological theory is justified.

Keywords: ideological and methodological paradigm, marginalist revolution, methodological holism, methodological individualism, concept of equivalent exchange, concept of unequal exchange, human model

For citation: Chernikov, M. V., Perevozchikova, L. S., Bukreev, V. S. (2024) 'Understanding *Man* in the Modern Academic Philosophy after the Marginalist Revolution', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(2), pp. 37–49. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-37-49>

Введение

В современной философской антропологии, как и в научной философии вообще, одним из магистральных исследовательских подходов к изучению антропологической проблематики выступает т.н. модельный подход, в рамках которого концептуализируются обобщённые модели, каждая из которых задаёт свою мировоззренческо-методологическую парадигму трактовки человека и определяет собственную научно-исследовательскую программу.

Напомним: в современной научной философии принято оперировать тремя основными моделями человека: моделью «человека экономического», моделью «человека социологического» и моделью «человека психологического». На протяжении всего XX в. эти модели вели между собой

конкурентную борьбу за право считаться наиболее фундаментальной. И такую борьбу — сегодня это можно утверждать со всей определённой — выиграла модель «человека экономического» [Черников, Филатов, 2018]. Но выиграла отнюдь не «малой кровью». Для того, чтобы продемонстрировать свою научную корректность, свой глубокий научный потенциал и эвристичность, первой редакции (т.н. ортодоксальной) модели «человека экономического» пришлось проделать серьёзное эволюционное развитие¹ [Urbina, Ruiz-Villaverde, 2019; Медема, 2021; Vikulina, 2022; Бигеев, 2023].

Ортодоксальная модель «человека экономического», получившая научные «права гражданства» после т.н. маржиналистской революции (о которой мы далее поговорим более подробно) в своих претензиях на универсальность была подвергнута жёсткой критике в первую очередь

¹ Морозов В.А. Модели человека в обществе: Учебное пособие. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2024. — 299 с. <https://doi.org/10.29030/978-5-394-05915-5-2024>

со стороны социологов² [Автономов, 2001]. Именно в попытке противопоставить модели «человека экономического» некую альтернативную модель была концептуализирована и введена в научный оборот модель «человека социологического» [Dahrendorf, 1958]. Позже в той же стилистике, что и модель человека социологического, получила свою научную экспликацию и модель «человека психологического» [Автономов, 2001].

Некоторое время (речь прежде всего идёт о 1960-х гг.) наблюдалось определённое динамическое равновесие между принципиально различными моделями: моделью «человека экономического», которая применялась в основном экономистами, и моделью человека социологического (а также моделью «человека психологического»), которые применялись в основном социологами и психологами. Но в 1970-е гг., как принято говорить, «в наступление пошла модель “человека экономического”» [Капелюшников, 1989], возникло мощное (и как показала жизнь весьма успешное) движение «экономического империализма», когда в рамках т.н. «современного экономического подхода» удалось существенно модернизировать ортодоксальную модель «человека экономического», продемонстрировав универсальность этой модернизированной модели [Черников, Филатов, 2018].

«Современный экономический подход», — как было отмечено в мотивировочной части решения Нобелевского комитета о присуждении Г. Беккеру Нобелевской премии по экономике за 1992 г., — позволил плодотворно распространить «сферы микроэкономического анализа на широкий круг человеческого поведения и взаимодействий между людьми, включая нерыночное поведение» [Беккер, 2003: 26]. Сам Г. Беккер писал: «...я пришёл к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению — к ценам денежным и теневым, вменённым; к решениям, повторяющимся и однократным, важным

и малозначимым; к целям эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся» [Беккер, 2003: 35–36]. Также «экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения» [Беккер, 2003: 31].

При этом прогрессивная эволюция модели «человека экономического» не остановилась. В последнее время введена в научный оборот уже, если можно так выразиться, третья редакция этой модели. Первой редакцией можно считать ортодоксальную модель «человека экономического», второй — модернизированную модель «человека экономического», а третьей — модель «человека, принимающего решения» [Черников, Филатов, Букреев, 2020: 34–39; Черников, Перевозчикова, Авдеенко, 2023: 40–42].

Представляется, что с появлением модели «человека, принимающего решения» научно-исследовательская программа понимания и изучения человека, опирающаяся на модель «человека экономического», осуществила дополнительный «прогрессивный сдвиг проблем» [Лакатос, 2008: 362] и в ещё большей мере продемонстрировала свою плодотворность.

Однако всё вышеописанное прогрессивное развитие научно-исследовательской программы понимания человека, опирающееся на модель «человека экономического», своими успехами всецело обязано маржиналистской революции, точнее, тем мировоззренческим и методологическим инновациям, которые маржиналистская революция внесла в характерную для конца XIX в. мировоззренческо-методологическую парадигму понимания человека и его социального бытия.

К сожалению, философское осмысление трансформаций мировоззренческо-методологической парадигмы понимания человека и его социального бытия, обусловленных маржиналистской революцией, в отечественной философской литературе

² Веблен Т. Теория праздного класса. — Москва: Прогресс, 1984. — 501 с.

произведено ещё в недостаточной степени. Свидетельством тому, в частности, является ряд современных работ, написанных в русле «старой» и, главное, «устаревшей» — т.н. домаржиналистской, — мировоззренческо-методологической парадигмы понимания человека и его социального бытия [Тимошевский, Савин, 2020; Куркин, Искевич, 2021; Спано 2022]]. Именно эту концептуальную лауну в отечественной философской антропологии и призвано (в определённой мере) заполнить данное исследование. В конечном итоге цель настоящей статьи заключается в том, чтобы эксплицировать те мировоззренческо-методологические новации, которые внесла в современную научно-философскую антропологию т.н. маржиналистская революция и которые легли в основу совершившей столь успешное развитие в XX–XXI вв. «научно-исследовательской программы», опирающейся на модель «человека экономического».

Предыстория маржинализма и проблемный характер формирования парадигмы «человека экономического» в XIX в.

Если не погружаться в глубины истории философии и начать рассмотрение с XIX в., можно заметить, что практически на всём его протяжении в понимании человека и общества европейскими философами господствовала та мировоззренческо-методологическая парадигма, которую принято называть «методологический холизм» [Zahle, 2016]. Главный принцип методологического холизма сводится к утверждению, что в системе «индивид — общество» первичным следует считать общество; человеческого индивидуума — в его личностном или, как выражался Э. Дюркгейм, «моральном» измерении — следует рассматривать как элемент вторичный, точнее — как продукт включённости этого индивида в общество, продукт соответствующего

воспитания и образования. Очевидно, что своим доминированием в европейской философии XIX в. этот подход во много обязан Г.Ф. Гегелю. Этот же подход (уже в рамках философского материализма) исповедовал испытывавший огромное влияние Гегеля Карл Маркс. Знаменитый шестой тезис в работе Маркса «Тезисы о Фейербахе» непосредственно гласит: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³. В этой парадигме понимания человека и общества были написаны Марксом его основополагающие труды, в том числе и экономического профиля. При всей глубине мыслей, высказанных Ф. Энгельсом по поводу «наших» (его и Маркса) воззрений в письмах позднего периода (имеется в виду письмо Й. Блоху от 21 сентября 1890 г.)⁴, эти утверждения об обратном (и возможно не менее значительном) влиянии надстройки на базис остались в их ключевых работах без дальнейшего развития.

Говоря об экономических воззрениях Маркса, следует также обратить внимание на (как минимум) ещё две его мировоззренческо-методологические установки, которые были им некритически восприняты из главной экономической теории его времени — классической политэкономии. Это — т.н. субстанциальное понимание функционирования рыночных отношений и по сути вытекающая из принципа субстанциального рассмотрения теория эквивалентного обмена.

Здесь потребуется небольшое отступление. Надо сказать, что во времена создания описываемых теорий не только в философии Гегеля, но и при создании научных теорий было принято искать субстанцию, «отвечающую» за протекание соответствующего класса явлений. Например, в классической термодинамике такой субстанцией вплоть до начала XIX в. считался «теплород» — особый «флюид»,

³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Собр. соч. в 50т. Т. 3. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва: Государственное издание политической литературы, 1955. — С. 3.

⁴ Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху от 21 сентября 1890 г. // Собр. соч. в 50т. Т. 37 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва: Государственное издание политической литературы, 1965. — С. 394–395.

«жидкость», (якобы) перетекающая от более нагретого тела к более холодному, что в конце концов должно было привести к одинаковому количеству теплорода у соприкасающихся тел. Так объяснялось равенство температур, устанавливающееся между соприкасающимися телами⁵.

Аналогично в классической политэкономии субстанцией, лежащей в основе всех экономических явлений, считался человеческий труд, который, как учила восходящая к Д. Рикардо т.н. «трудовая теория стоимости», был главным (но, заметим, не единственным) источником стоимости или экономической ценности всех производимых товаров.

К. Маркс по всей видимости разделял эти воззрения. Более того, Маркс радикализировал трудовую теорию стоимости Рикардо, объявив (т.н. абстрактный) труд (уже) единственным источником стоимости. Соответственно, Маркс объяснял равенство цен различных товаров (например, почему определённое количество ткани стоит столько же, сколько, например, одна пара сапог?) тем, что в процессе производства этих различных товаров было затрачено одинаковое количество «абстрактного» труда, и, следовательно, стоимость этих товаров при всём различии их внешних проявлений одинакова. Соответственно, возможность бартерного обмена также объяснялась на основе представления о равной стоимости обмениваемых товаров. Обмен — уверен Маркс — всегда осуществляется на основе некоего эквивалента.

В своей концепции эквивалентного обмена Маркс опирался на авторитет Аристотеля. Вот характерный фрагмент из первого тома «Капитала»: «Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного

товара в каком-либо другом товаре; в самом деле, он говорит:

“5 лож = 1 дому» ($\chi\lambda\iota\nu\alpha\iota$ πέντε ἀντί οἰκίας”)

“не отличается” от:

“5 лож = такому-то количеству денег”

($\chi\lambda\iota\nu\alpha\iota$ πέντε ἀντί ... οὐδὸν αἱ πέντε $\chi\lambda\iota\nu\alpha\iota$ ”).

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. “Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости”. ... Другое дело, что Аристотель не может найти ту субстанцию, которая одинакова присуща и дому, и ложу, и равная мера которой в пяти ложах и в одном доме приравнивает последние друг другу⁶.

Далее Маркс развивает уже свою позицию: «В чём заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож?

Ничего подобного “в действительности не может существовать”, — говорит Аристотель.

Почему? Дом противостоит ложу как что-то равное, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих — и в ложе, и в доме. А это — человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. ...

⁵ Позже, когда классическая термодинамика в качестве объяснительной теории уступила своё место молекулярной физике, выяснилось, что никакой особой субстанции, отвечающей за температуру тел, нет. Все температурные эффекты следует объяснять на основе рассмотрения движения отдельных молекул.

⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I // Собр. соч. в 50т. Т. 23. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва: Государственное издание политической литературы, 1960. — С. 69.

Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общности, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чём же состоит «в действительности» это отношение равенства»⁷.

Все эти основополагающие для наук XIX в. философские презумпции и мировоззренческо-методологические установки — методологический холизм, поиск некой субстанции в качестве сущности эмпирически данных явлений и концепция эквивалентного обмена — по сути были фактически дезавуированы в ходе маржиналистской революции.

Надо подчеркнуть, что основной вклад в такого рода дезавуирование внёс, пожалуй, наиболее философски мыслящий основоположник маржинализма⁸ — выдающийся австрийский учёный Карл Менгер. В 1871 г. Карл Менгер публикует ставшую классической книгу «Принципы экономики», которой было суждено в корне поменять господствовавшие дотоле мировоззренческо-методологические установки в понимании человека и общества.

Нельзя, однако, сказать, что мировоззренческо-методологическая позиция Менгера в понимании человека и его социального бытия появляется «ниоткуда». Конечно, Менгер имеет своих философских предшественников. К ним, в первую очередь, следует отнести английских утилитаристов: Юма, Локка и (особенно) Бентама⁹. Но если философские интуиции английских утилитаристов носили в основном спекулятивный характер, то Менгер производит, по сути дела, их научное фундирование.

Концептуализация маржинализма в работах К. Менгера

Видится перспективным проследить этапы концептуальной работы Менгера, выделяя особенности её мировоззренческо-методологического характера. Прежде всего следует подчеркнуть, что Менгер решительно отказывается от ориентации на «методологический холизм» и занимает принципиальную позицию «методологического индивидуализма»¹⁰. Человеческий индивид — акцентирует своё видение Менгер — не заложник определённого места в общественном целом; весь процесс социализации индивида в обществе, всё влияние общества на индивида, не делает последнего безропотным исполнителем той или иной социальной роли, не лишает индивида возможности самому выбирать тот или иной вариант поведения из целого спектра возможных.

Более того, только индивид (и только он) может совершать поведенческий выбор, принимать поведенческое решение. Решение любого коллективного органа — любого собрания, правительства, парламента и т.п. — есть не что иное, как равнодействующая решений отдельных членов этого коллективного органа, отдельных индивидов. Надо понимать, что выражение типа «правительство приняло решение» — не более, чем метафора, кратко описывающая сложный процесс выработки консенсуса между отдельными входящими в правительство индивидами, каждый из которых самостоятельно принимает своё решение по данному поводу.

Поэтому, если мы хотим понять функционирование общественного целого —

⁷ Там же, с. 69–70.

⁸ Маржинализм — течение в экономической теории, возникшее в результате маржиналистской революции. Основоволожниками маржинализма наряду с К. Менгером принято считать английского учёного У.С. Джевонса и французского — Л. Вальраса.

⁹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. — Москва: РОССПЭН, 1998. — 415 с.

¹⁰ Heath J. Methodological Individualism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/methodological-individualism/>

рассуждает Менгер — следует начинать с индивида, а не с общества, необходимо сначала провести анализ индивидуального человеческого поведения, а уже потом переходить к поиску той равнодействующей поведения отдельных индивидов, которая «отливается» в соответствующую общественную тенденцию или даже принимает вид общественного закона.

Эта позиция «методологического индивидуализма», как мы уже указывали, не нова. Она отчётливо фиксируется по крайней мере в эпоху Нового времени, где восходит к английским утилитаристам. Однако Менгеру первому удалось показать её научную корректность.

Действительно, любой, кто занимает позицию методологического индивидуализма в понимании человека и его социального бытия, сталкивается с двумя достаточно серьёзными проблемами.

Первая проблема носит преимущественно этический характер. Дело в том, что любой беспристрастный анализ индивидуального поведения обнаруживает, что человек, принимая поведенческое решение, ориентируется как правило на личную выгоду или (как будут позже говорить сторонники модели «человека экономического») пытается максимизировать свою функцию полезности. Признание этого факта заставляет определить натуру человека как эгоистичную, корыстную и, следовательно, этически отталкивающую. Именно поэтому для многих мыслителей-гуманистов позиция методологического индивидуализма априори представлялась (и до сих пор представляется) этически порочной, а потому — «неправильной».

Конечно, на это можно резонно возразить, что этическая привлекательность и научная истинность далеко не всегда совпадают, поэтому апелляция к этике в данном случае нерелевантна. Однако позиция «методологического индивидуализма» (и это вторая проблема!) имеет и чисто концептуальные затруднения. Действительно, если каждый индивид при-

нимает поведенческое решение, стремясь максимизировать функцию собственной полезности, то как оказывается возможен экономический обмен между разными индивидами? Ведь каждый перетягивает «одеяло» на себя. В противном случае надо согласиться с мыслью Люка Вовенарга, что «торговля — это школа обмана», а также с утверждением Анахарсиса: «Рынок — это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга».

Именно эту — вторую — проблему позиции методологического индивидуализма и сумел концептуально разрешить Менгер, доказав, что даже если каждый участник товарообмена стремится максимизировать собственную функцию полезности, обмен может быть честным и при этом взаимовыгодным.

Соответствующий научный прорыв был обусловлен, в первую очередь, тем, что Менгер внимательно проанализировал и концептуально корректно определил основные понятия, которые ранее — как правило некритически — использовались при рассуждении на тему экономического обмена.

Прежде всего, Менгер не прибегает к (модному в его время) субстанциальному подходу: отказываясь от поиска субстанции, опосредующей все экономические процессы, автор новой трактовки человека отталкивается от эмпирически реального индивида, обладающего набором потребностей и стремлением их удовлетворить. И далее именно в привязке к феномену потребности Менгером определяются понятия, входящие в предложенную им концептуализацию человека.

Благо — это предмет, способный удовлетворить потребность. Сама способность данного предмета удовлетворять человеческую потребность есть полезность данного блага¹¹. В конечном итоге, «для того, чтобы предмет стал благом, или другими словами, для того, чтобы он приобрёл характер блага, необходимо совпадение следующих четырёх условий:

¹¹ Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. — Москва: Экономика, 1992. — С. 38.

- 1) человеческой потребности;
- 2) свойств предмета, делающих его годным быть поставленным в причинную связь с удовлетворением этой потребности;
- 3) познания человеком этой причинной связи;
- 4) возможности распоряжаться предметом таким образом, чтобы действительно употреблять его для удовлетворения этой потребности.

Предмет только тогда становится благом, когда совпадают эти четыре условия, но если отсутствует хотя бы одно из них, то предмет не может быть благом»¹².

Далее, Менгер указывает на различие между неэкономическими и экономическими благами. Первые имеют место тогда, когда диктуемая потребностью «надобность меньше количества благ, доступного распоряжению», вторые — когда диктуемая потребностью «надобность превышает доступное распоряжению количество благ».

При этом специфически экономическая задача возникает перед человеком только в случае экономических благ [Роббинс 1993]. В случае решения специфически экономической задачи необходимо:

«1. Сделать выбор между наиболее важными потребностями, подлежащими удовлетворению доступными их распоряжению количествами названных благ, и теми потребностями, которые они решили оставить неудовлетворёнными.

2. Достичь путём целесообразного употребления каждой частью количества благ, находящегося в вышеуказанном количественном отношении, возможно большего результата и определенного результата возможно меньшим количеством благ, или, иными словами, применить наиболее целесообразным образом к удовлетворению своих потребностей как количества предметов потребления, так и количества средств для производства, доступные их распоряжению»¹³.

Отметим: то или иное (экономическое!) благо приобретает ценность только в рамках решения *экономической* задачи. А неэкономические блага, подчёркивает Менгер, вообще ценности не имеют; ни меновой, ни потребительной, ведь «и меновая ценность, и потребительная составляют два понятия, подчинённые общему понятию ценности»¹⁴.

При этом, как пишет Менгер, «безусловно ошибочно называть благо, имеющее ценность для хозяйствующих субъектов, ценностью или же говорить о ценностях как о самостоятельных реальных предметах, как это делают экономисты, благодаря чему ценность объективируется. Объективно существуют только вещи, точнее говоря, количества их, а ценность их есть нечто существенно от них отличное, а именно суждение, которое хозяйствующие индивиды себе составляют о значении, какое имеет наличие в их распоряжении количества благ для поддержания их жизни и благосостояния»¹⁵.

После того, как мы уясняем, что ценность «не есть нечто присущее благам, не свойство их», что «она ещё менее представляет собой самостоятельную вещь»; возникает понимание и того, что «нет препятствий к тому, чтобы благо имело ценность для одного хозяйствующего субъекта, а для другого, при иных условиях, не имело её. ... мера ценности также, безусловно, субъективной природы, и поэтому благо может сообразно различию в круге потребностей и доступном распоряжении количестве иметь для одного хозяйствующего субъекта большую ценность, а для другого малую, для третьего — совсем никакой»¹⁶.

На основе такого концептуального прояснения и становится понятным, как может быть, осуществлён честный взаимовыгодный обмен. Если ценность благ может быть различна для различных индивидов в различных обстоятельствах, то теоретически вполне возможен честный обмен благами между этими разными индивидами, когда

¹² Там же, с. 39.

¹³ Там же, с. 76.

¹⁴ Там же, с. 98.

¹⁵ Там же, с. 101.

¹⁶ Там же, с. 124-125.

каждый из индивидов (одновременно!) отчуждает от себя благо, имеющее для него меньшую ценность, и приобретает благо, имеющее для него большую ценность. Тем самым каждый из индивидов (одновременно!) в процессе обмена максимизирует совокупную ценность имеющихся у него благ.

Сам Менгер объясняет это «на пальцах», приводя следующий гипотетический пример. Пусть у нас имеются два фермера, одинаково нуждающиеся в коровах и лошадях. Но у первого фермера в наличии имеются 10 лошадей и ни одной коровы, а у второго, наоборот, — 10 коров и ни одной лошади. Очевидно, что (согласно т.н. первому закону Госсена, указывающему, что потребительская ценность блага уменьшается по мере увеличения количества этого блага) для обоих фермеров первая лошадь будет ценнее, чем десятая лошадь, а первая корова — чем десятая корова. Не менее очевидно, что при вышеописанном положении дел между обоими фермерами может естественным образом возникать одновременно взаимовыгодный обмен. Первый фермер меняет свою десятую лошадь на первую для себя корову (допускаем равенство ценности лошади и коровы для обоих фермеров), тем самым увеличивая свою совокупную ценность. Но и второй фермер, меняя свою десятую корову на первую для себя лошадь, в той же самой мере увеличивает свою совокупную ценность. Оба фермера одновременно отчуждают от себя меньшую ценность, а приобретают — большую.

Соответственно, оба фермера участвуют не в эквивалентном, а в неэквивалентном обмене, который, однако, для обоих фермеров одновременно оказывается прогрессивно неэквивалентным (получаем большую ценность, нежели отдаём). А когда обмен становится эквивалентным (надо менять пятую лошадь на пятую корову) обмен, очевидно, прекращается, поскольку уже не приносит выгоды ни одному фермеру.

Таким образом, окончательно рушится традиционно бытовавшая в философии концепция эквивалентного обмена, якобы характерная для всех обменных операций

человека, и фундируется в качестве базовой и фундаментальной концепция неэквивалентного обмена, которого только и будет придерживаться человек во всех своих обменных отношениях.

Заключение

Таким образом подтверждается гипотеза, согласно которой вклад маржиналистской революции в современную научно-философскую антропологию является серьёзным пересмотром исходных толкований не только собственно концепции труда, но и существенным уточнением концепции «человека экономического», повлекшим коренную трансформацию мировоззренческо-методологической парадигмы, ранее использовавшейся для понимания человека и общества.

Суть изменений маржиналистской революции мировоззренческо-методологической парадигмы понимания человека и общества состояла в отказе от принципа «методологического холизма», субстанционального подхода и концепции эквивалентного обмена. Новый подход обосновал необходимость использования принципа «методологического индивидуализма», отказал в «праве на гражданство» субстанциональному подходу и пересмотрел подходы к пониманию обмена, выделив в качестве фундаментального для человека не эквивалентный, а неэквивалентный (точнее, прогрессивно неэквивалентный) тип обменных отношений.

Важным методологическим следствием маржиналистской революции также стало концептуальное оформление новой «научно-исследовательской программы», опирающейся на новое толкование модели «человека экономического». К началу XXI в. данная научно-исследовательская программа получила дальнейшее развитие, продемонстрировав «прогрессивный сдвиг проблем» в целом ряде областей (включая не только экономику, социологию или философскую антропологию, но и например такую комплексную область знания, как поведенческая экономика). Философские уроки маржиналистской революции, с нашей точки зрения, не исчерпали

свой эвристический потенциал и в наши дни. В качестве перспективных направлений исследования данной антропологиче-

ской призмы имеет смысл выделить такие нетривиальные векторы, как социальная и биоинженерия, а также Art and Science.

Список литературы:

Автономов В. С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. — Москва: ГУ ВШЭ, 2001. — С. 24–71.

Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. — Москва: ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.

Бигеев Р.Р. Интерпретация «экономического человека» различными экономическими школами // Креативная экономика. — 2023. — Т. 17, № 2. — С. 541–556. <https://doi.org/10.18334/ce.17.2.117170>

Капелюшников Р.И. В наступлении homo oeconomicus // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 4. — С. 46–52.

Куркин Б.А., Искевич И.С. Права человека: проблема онтологии (доктрина естественного права как основание идеи прав человека) // Сибирский антропологический журнал. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 285–296.

Лакатос И. Фальсификация и методология исследовательских программ // Избранные произведения по философии и методологии науки. — Москва: Академический Проект; Трикста, 2008. — С. 281–463.

Медема С. Великая экономика: От Ксенофонта до криптовалюты, 250 основных вех в истории экономики. — Москва: Лаборатория знаний, 2021. — 544 с.

Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. — 1993. — № 1. — С. 10–23.

Спано Р. Какова Роль долга, обязанностей и обязательств человека в нашем европейском дискурсе о правах человека? // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2022. — № 1. — С. 148–153.

Тимошевский А.В., Савин В.В. Трансгрессии человеческого: от человека в культуре к культуре без человека // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2020. — № 1. — С. 97–105. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-1-97-105>

Черников М.В., Филатов Д.А., Букреев В.А. Принципы ведения «поведенческих войн»: современный научный подход // Информационные войны. — 2020. — № 3. — С. 32–41.

Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. Понимание человека: социально-философский анализ. — Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2023. — 154 с.

Черников М.В., Филатов Д.А. Модель человека в современном научном познании // Вестник ВГУ. Серия философия. — 2018. — № 1. — С. 71–90.

Dahrendorf R. Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte. Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. — 1958. — Vol. 10, No 2. — P. 188–208.

Urbina D.A., Ruiz-Villaverde A. A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches // The American Journal of Economics and Sociology. — 2019. — Vol. 78, No 1. — P. 63–93. <https://doi.org/10.1111/ajes.12258>

Vikulina V. V. History of economic thought: on the question of the development of models of “economic man” // Journal of Economy and entrepreneurship. — 2022. — No 7. — P. 83–86. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.144.7.012>

Zahle J. Methodological Holism // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. — Hoboken: Wiley, 2016. — P. 1–2. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeos0738>

References:

- Avtonomov, V. S. (2001) 'Model' cheloveka v ekonomicheskikh teoriyakh i drugih sotsial'nykh naukakh [Model of man in economic theory and other social sciences]', in *Istoki: voprosy istorii narodnogo khozyaystva i ekonomicheskoy mysli* [Origins: questions of the history of national economy and economic thought]. Moscow: SU HSE Publ., pp. 24–71. (In Russian).
- Becker, G. S. (2003) *Human Behavior: Economical Approach*. Moscow: SU HSE Publ. (In Russian).
- Bigeev, R. R. (2023) 'The economic man in the interpretation of various schools of economic thoughts', *Creative Economy*, 17(2), pp. 541–556. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.17.2.117170>
- Chernikov, M. V. and Filatov, D. A. (2018) 'Model of human in modern scientific knowledge', *Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*, (1), pp. 71–90. (In Russian).
- Chernikov, M. V., Filatov, D. A. and Bukreev, V. A. (2020) 'Behavioral Warfare Principles: Modern Scientific Approach', *Informacionnye vojny*, (3), pp. 32–41. (In Russian).
- Chernikov, M. V., Perevozchikova, L. . and Avdeenko, E. V. (2023) *Ponimaniye cheloveka: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Understanding man: socio-philosophical analysis]. Voronezh: Voronezh State Technical University Publ. (In Russian).
- Dahrendorf, R. (1958) 'Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte. Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle', *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 10(2), pp. 188–208.
- Kapeliushnikov, R. I. (1989) 'V nastuplenii homo oeconomicus [On the offensive of homo oeconomicus]', *World economy and international relations*, (4), pp. 46–52. (In Russian).
- Lakatos, I. (1968) 'Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes', *Proceedings of the Aristotelian Society*, 69, pp. 149–186. (Russ. ed.: (2008) 'Fal'sifikatsiya i metodologiya issledovatel'skikh programm', in *Izbrannyye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki*. Moscow: Akademicheskii Proyekt; Triksa Publ., pp. 281–463.).
- Medema, S. (2019) *The Economics Book: From Xenophon to Cryptocurrency, 250 Milestones in the History of Economics*. New York: Sterling. (Russ. ed.: (2021) *Velikaya ekonomika: ot Ksenofonta do kriptovalyut, 250 krupneyshikh v istorii ekonomiki*. Moscow: Laboratoriya znaniy Publ.).
- Robbins, L. (1935) 'The Subject-Matter of Economics', in *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan, pp. 1–23. (Russ. ed.: (1993) 'Predmet ekonomicheskoy nauki', *THESIS*, (1), pp. 10–23.).
- Spano, R. (2022) 'Kakova rol' dolga, otvetstvennost' i otvetstvennost' cheloveka v nashem yevropeyskom diskurse o pravakh cheloveka? [What is the Role of Human Duty, Responsibilities and Obligations in Our European Discourse on Human Rights?]', *Bülleten' Evropejskogo Suda po pravam čeloveka*, (1), pp. 148–153. (In Russian).
- Timoshevskiy, A. V. and Savin, V. V. (2020) 'Transgressions of human: from man in culture to culture without man', *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, (1), pp. 97–105. (In Russian). <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-1-97-105>
- Urbina, D. A. and Ruiz-Villaverde, A. (2019) 'A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches', *The American Journal of Economics and Sociology*, 78(1), pp. 63–93. <https://doi.org/10.1111/ajes.12258>
- Vikulina, V. V. (2022) 'History of economic thought: on the question of the development of models of "economic man"', *Journal of Economy and entrepreneurship*, (7), pp. 83–86. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.144.7.012>
- Zahle, J. (2016) 'Methodological Holism', in *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Hoboken: Wiley, pp. 1–2. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeos0738>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Черников — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84 (Россия)

Лариса Сергеевна Перевозчикова — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84 (Россия)

Владимир Александрович Букреев — соискатель кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84 (Россия), генеральный директор сети социальных предприятий для пожилых людей «МИРРА»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Michael V. Chernikov — Doctor of Philosophy, Docent, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, 84, 20 let Oktyabrya street, Voronezh, 394006 (Russia)

Larisa S. Perevozchikova — Doctor of Philosophy, Docent, Head of the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University 84, 20 let Oktyabrya street, Voronezh, 394006 (Russia)

Vladimir A. Bukreev PhD student, Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, 84, 20 let Oktyabrya street, Voronezh, 394006 (Russia), CEO of the network of social enterprises for older people «MIRRA».

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 03.04.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 03.04.2024; accepted for publication 15.05.2024.